

RU

От антропоэксперимента к техноэксперименту как инструментам оценки доступности правовых норм (к столетию статьи Л. В. Щербы)

Голев Н. Д., Мельникова В. С.

Аннотация. В статье рассматриваются результаты экспериментального исследования текстов российских законов, выполненного в контексте цифровой трансформации лингвистических методов. Цель исследования – разработать комплекс объективных критериев и параметров качества законодательных текстов, обеспечивающий сопоставимость цифровых (машинных) и субъективных (опросных) оценок доступности юридического языка. Научная новизна методики исследования состоит в разграничении техно- и антропоэксперимента как двух форм реализации в духе щербовской экспериментальной установки, соотнесенных с разными аспектами языковых явлений. Полученные результаты показали, что на материале текстов трех статей Уголовного кодекса РФ (ст. 159, 160, 163) и 225 анкет респондентов без юридического образования разработанная система критериев обеспечивает корреляцию между машинными показателями сложности и реальным восприятием текста информантами, что подтверждает эффективность предложенной модели взаимной проверки оценок для дальнейшего совершенствования русских юридических текстов.

EN

From anthropological experimentation to technological experimentation as tools for assessing the accessibility of legal norms (on the centenary of L. V. Shcherba's article)

N. D. Golev, V. S. Melnikova

Abstract. This article examines the results of an experimental study of Russian legal texts, conducted in the context of the digital transformation of linguistic methods. The aim of the study is to develop a set of objective criteria and quality parameters for legislative texts, ensuring the comparability of digital (machine-based) and subjective (survey-based) assessments of legal language accessibility. The scientific novelty lies in the fact that a methodological distinction is made between anthropological experimentation and technological experimentation as two modes of implementation within the framework of Shcherba's experimental tradition, correlated with distinct aspects of linguistic phenomena. The obtained results showed that, using the texts of three articles of the Criminal Code of the Russian Federation (Articles 159, 160, 163) and 225 questionnaires of respondents without legal education, the developed system of criteria ensures a correlation between machine indicators of complexity and the actual perception of the text by informants, which confirms the effectiveness of the proposed model of mutual verification of assessments for the further improvement of Russian legal texts.

Введение

В работах 1928-1931 годов Л. В. Щерба впервые поставил вопрос: как лингвист может достоверно судить о системе языка, если напрямую ему доступен только речевой материал? Ответ состоял в требовании проверки: положение, выведенное из наблюдения над текстами, должно быть возвращено носителю языка и получить от него оценку. Эксперимент в этом понимании есть не столько способ добывания материала, сколько инструмент верификации знания.

Статья продолжает наше обсуждение исследовательских презумпций лингвистического эксперимента (Голев, 2016; 2017). В названных статьях была сделана попытка соотнести идеи Л. В. Щербы с современным пониманием лингвистического эксперимента, актуализированным в антропоцентрической лингвистике,

прежде всего в ассоциативных экспериментах и экспериментах с метаязыковым сознанием (опросы носителей языка). В статьях ставился вопрос о правомерности переноса показаний языкового сознания в область моделирования языковой системы речевой деятельности. Этот вопрос существенным образом актуализировался на современном этапе измерения текстов, когда для решения текстовых задач лингвисты стали подключать цифровые технологии и искусственный интеллект.

В настоящей статье ставится проблема соотношения показаний цифровых технологий (машинного перевода и сгенерированных ИИ текстов по запросам через промпт) с моделированием языковой и речевой онтологии. Главные вопросы здесь – могут ли такие показания рассматриваться как свидетельства усредненной (надындивидуальной, деперсонализированной) личности? Аналогия: исследователь, обобщающий данные ассоциативного эксперимента, по сути, вручную осуществляет процедуру усреднения. Мы исходим из гипотезы о том, что работа компьютерных алгоритмов напрямую соотносится с тем, как устроена языковая способность обычного, обобщенного носителя языка. Создавая такой алгоритм, его автор вынужден усреднять живого человека, отбрасывая индивидуальные особенности речи и сводя все многообразие вариантов к единому, наиболее общему правилу (инварианту). В одной из статей (Голев, 2016) мы ставили вопрос: является ли опрос экспериментом? В настоящей статье аналогичный вопрос относится к обращению к машинным программам. Полагаем, что такое обращение не противоречит известному образу эксперимента, обозначаемому метафорой «черный ящик». Исследователю неизвестно, что находится внутри «черного ящика» и как он работает, но можем построить объективированное представление об этом, сопоставляя то, что «входит» в него и «выходит» из него (Голев, 2017). Любой лингвистический эксперимент так или иначе имеет дело с моделью «черного ящика». ИИ-эксперимент здесь не исключение. Предлагая ИИ создать более простой вариант исходного текста законопроекта, понятный неспециалисту, и, далее, сравнив исходную (трудную для понимания) версию с «понятной», исследователь получает материал для оценки исходного текста, а обобщив разные варианты данного эксперимента, может делать теоретические выводы о природе понимания, непонимания, не-так-поминания. Варьируя промпт в заданных параметрах и сравнивая полученные варианты, исследователь получает возможность оценить параметр как вариантообразующий или – напротив – как нерелевантный.

Актуальность исследования определяется следующими обстоятельствами. Первое – методологическое: цифровые технологии анализа текста вошли в исследовательскую и экспертную практику быстрее, чем была решена задача оценки их валидности. Вычисленный алгоритмом показатель обладает внешней убедительностью, поскольку воспроизводим и не зависит от исследовательской интуиции, однако степень его соответствия реальному восприятию права рядовым гражданином остается невыясненной. Второе – социально-практическое: законодательные тексты, несмотря на требования доступности и ясности, продолжают восприниматься неспециалистами как трудные для понимания. Третье – теоретическое: в лингвистике назрела необходимость переосмыслить границы экспериментального метода, включив в него взаимодействие с искусственным интеллектом, и выработать критерии, позволяющие сопоставлять данные, полученные от человека и от «машины».

В связи с этим задачи исследования включают уточнение понятия «лингвистический эксперимент» в контексте цифровых методов и обоснование разграничения техноэксперимента и антропоэксперимента; разработку цифрового инструментария для оценки сложности законодательного текста; создание анкеты, совмещающей шкальную самооценку с продуктивным заданием на пересказ юридической нормы; статистическую оценку согласованности объективных и субъективных данных; выявление и интерпретацию зон их расхождения, а также формулирование принципов взаимной верификации получаемых оценок.

Проверяются три гипотезы. Гипотеза 1: цифровые и опросные оценки ранжируют законодательные тексты одинаково, вследствие чего цифровой показатель может замещать опросный. Гипотеза 2: субъективная оценка понятности отражает фактическую степень понимания нормы. Гипотеза 3: разные группы цифровых параметров обладают различной верифицируемостью, и вопрос о доверии к техноэксперименту должен ставиться не в отношении метода в целом, а в отношении каждого параметра.

Материалы исследования представлены официальными текстами статей 159, 160 и 163 Уголовного кодекса Российской Федерации (общим объемом 1291 словоупотребление) и 225 анкетами носителей русского языка, не имеющих юридического образования. В качестве дополнительного источника использованы данные, полученные в ходе техноэксперимента с привлечением инструментов автоматического анализа.

Методы исследования применялись в комплексе: лингвистический эксперимент в двух разновидностях – антропоэксперимент (анкетирование со шкалированием и продуктивным заданием на пересказ нормы) позволил зафиксировать субъективные восприятия и уровень фактического понимания; техноэксперимент (анализ текста по набору статистических и синтаксических параметров) дал объективные количественные характеристики; контент-анализ открытых ответов респондентов использовался для качественной интерпретации зон непонимания; для проверки гипотез о согласованности данных применялись методы математической статистики (расчет коэффициентов корреляции).

Теоретическую базу исследования составляют работы по методологии лингвистического эксперимента (Щерба, 1974; Голев, 2016; 2017), исследования доступности и понятности юридических текстов (Белов, Тарасова, 2019; Батюшкина, 2021; Кнутов, Чаплинский, Алимпеев, 2022), труды по автоматизированной оценке сложности текста (Микк, 1981; Оборнева, 2006; Солнышкина, Соловьев, Эбзеева, 2024), философские аспекты простоты и сложности (Киященко, 2013; Ополев, 2014), а также работы, посвященные обыденной интерпретации юридических высказываний (Щербак, 2023) и коммуникативным качествам речи (Левчаева, 2018).

Практическая значимость исследования состоит в разработке параметров, пригодных для оценки доступности нормативных текстов, в формулировании рекомендаций по юридической технике и в описании четырехшагового протокола взаимоверификации, применимого при лингвистической экспертизе законопроектов.

Обсуждение и результаты

Техноэксперимент и антропоэксперимент: от триады Л. В. Щербы к принципу взаимоверификации

Общеизвестно, что концепция Л. В. Щербы (1974, с. 24-26) строится на разграничении трех аспектов языковых явлений: речевой деятельности (наблюдаемые процессы говорения и понимания), языковой системы (словарь и грамматика, выводимые исследователем) и языкового материала (совокупность говоримого и понимаемого в определенную эпоху жизни социальной группы). Для нас принципиально, что языковая система, будучи главным предметом лингвистики, по Л. В. Щербе (1974), дана исследователю лишь опосредованно – как результат обработки материала, но не как сам материал. Отсюда поставленная Л. В. Щербой (1974) проблема: как убедиться, что выведенная из материала система соответствует той системе, которой владеет носитель? Сказанное касается и моделирования речевой деятельности, ее механизмов и процессов.

Ответом становится эксперимент в двух формах – самонаблюдение (интроспекция) и собственно «постановка эксперимента», при которой построенное по выведенному правилу высказывание предъявляется носителю и получает от него оценку. Особую ценность для Л. В. Щербы имеет отрицательный результат: он «указывает или на неверность постулированного правила, или на необходимость каких-то ограничений», и потому исследователь должен целенаправленно искать «отрицательный языковой материал» (Щерба, 1974, с. 32-33).

В структуре метода Л. В. Щербы (1974) различимы три звена: наблюдение над материалом → построение гипотезы о системе → проверка гипотезы через реакцию носителя. Функция эксперимента сугубо верификационная, а верифицирующей инстанцией выступает не текст и не исследователь, а языковое сознание носителя – единственный доступный «прибор», настроенный на языковую систему. Эвристический потенциал такой модели эксперимента для нашего исследования составляют три положения: 1) различие того, что измеряется в тексте, и того, что происходит в сознании; 2) принцип обязательного возвращения гипотезы носителю; 3) преимущественная доказательная сила отрицательного результата. Ниже будет показано, что все три сохраняют силу и по отношению к цифровому эксперименту – с той поправкой, что современный материал требует не одностороннего, а двустороннего движения верификации.

Цифровой поворот преобразовал прежде всего третий аспект щербовской триады: языковой материал, прежде принципиально необозримый, стал доступен для сплошного автоматического анализа. Корпусные методы, автоматическая морфологическая и синтаксическая разметка, метрики лингвистической сложности – средства работы именно с языковым материалом (Солнышкина, Соловьев, Эбзеева, 2024; Левчаева, 2018). Цифровые технологии и особенно большая языковая (лингвистическая) модель, реализованная в ИИ-программах, еще дальше отодвинули языковой материал от полюса необозримости.

Мы предлагаем обозначить такую работу с ИИ термином «техноэксперимент», определив его как экспериментирование с языковым материалом, при котором инструментом измерения и преобразования выступает специально организованный алгоритм отбора из Интернета и генерирования текста в соответствии со смыслом промпта. Основания говорить здесь об эксперименте, а не о наблюдении, следующие: алгоритмическая процедура задает контролируемые условия, результат воспроизводим при повторном запуске, а варьирование отдельного параметра позволяет проследить его влияние на итоговую оценку; исследователь может изменять формулу, добавлять и удалять признаки, сравнивать конкурирующие модели, то есть выполнять именно те операции, которые составляют содержание экспериментальной работы. Соответственно, традиционные способы обращения к носителю – опрос, шкалирование, тестирование, ассоциативный и семасиологический эксперимент – целесообразно объединить термином антропоэксперимент, реализуемый в первом аспекте триады, в сфере речевой деятельности.

Существенно, что эти формы не образуют иерархии «менее точный – более точный»: они локализованы в разных аспектах языковых явлений и потому в принципе не могут дублировать друг друга. Техноэксперимент дает исчерпывающе точное описание того, что в тексте есть, но ничего не сообщает о том, что с текстом происходит в сознании. Антропоэксперимент дает доступ к результату восприятия, но не к его причинам, поскольку респондент не в состоянии отразить, какое именно свойство текста вызвало затруднение. Но ни тот, ни другой не дает прямого доступа ко второму аспекту – к языковой системе. Если бы техноэксперимент был лишь ускоренным вариантом наблюдения, верификация оставалась бы односторонней, как в классической схеме, но поскольку оба типа эксперимента дают частичные и разноприродные данные, верификация должна быть двусторонней. Мы обозначаем этот принцип термином взаимоверификация: цифровой показатель валиден лишь в той мере, в какой подтверждается реакцией носителя, а показатель, полученный в опросе, валиден лишь в той мере, в какой подтверждается объективируемыми характеристиками текста. Кратко выражающая этот принцип наша максима «техно – доверяй, но проверяй» обратима и в равной степени относится к антропоэксперименту.

Законодательный текст особо благоприятен для постановки задачи взаимоверификации: здесь коммуникативный успех не является внутренним делом сторон общения двух авторов коммуникации: адресанта и адресата, поскольку непонимание нормы часто влечет за собой выход в социальную сферу и может иметь правовые последствия. Основания юрислингвистического рассмотрения языка закона в значительной мере заложены в предшествующих исследованиях российских лингвистов. В ходе их проведения сформировался

устойчивый круг проблем: юридико-лингвистическая неопределенность терминов и норм (Батюшкина, 2021), критерии понятности юридических документов (Белов, Тарасова, 2019), диагностика избыточной сложности нормативного языка (Кнутов, Чаплинский, Алимпеев, 2022), обыденная интерпретация юридических высказываний рядовыми носителями (Щербак, 2023), разграничение понятий, характеризующих воспринимаемость нормативного текста (Пиунов, 2023). В этом ряду находятся и наши исследования (Голев, 2016; 2017; Голев, Мельникова, 2025).

Антиномии понимаемости текста как фактор ее экспериментального исследования

Центральной для нас является идея коммуникативного противоречия, лежащего в основании законодательного дискурса. Законодатель ориентирован на точность, непротиворечивость и исчерпывающую полноту описания состава, что реализуется через терминологизацию, перечисление всех альтернатив и синтаксическую спаянность нормы; адресат-гражданин ориентирован на извлечение практического смысла и нуждается в краткости и возможности однократного прочтения. Средства, обеспечивающие юридическую точность, систематически противодействуют бытовому пониманию. Как отмечают С. А. Белов и К. В. Тарасова (2019, с. 610), суды все чаще сталкиваются со ссылками участников разбирательства на непонимание смысла юридических документов, тогда как правовая теория не располагает средствами оценки таких доводов.

Особую значимость имеет линия исследований, в которых переводимость текста рассматривается как внутреннее свойство языковых единиц, коррелирующее с их понятностью, а пересказ квалифицируется как функциональный аналог перевода (Голев, Мельникова, 2025). Существенно положение о том, что полнота и точность воспроизведения текста при пересказе прямо зависят от сложности исходного текста, и регулярность снижения этой полноты дает основание видеть причину именно в тексте, а не в индивидуальных особенностях адресата.

Объективные методы исследования такого вида речевой деятельности, как чтение, восходят к традиции формул удобочитаемости. Наряду с формульными используются частотные, морфологические и синтаксические показатели, вычисляемые в разных единицах и не сводимые к единой шкале автоматически.

Решающее значение для нашего материала приобретает следующее ограничение. Формулы удобочитаемости калибровались на текстах, где предложение является реальной единицей членения, – на учебной, художественной и публицистической прозе; М. И. Солнышкина, В. Д. Соловьев и Ю. Н. Эбзеева (2024) прямо указывают, что адаптация И. В. Оборневой (2006) рекомендована для литературной прозы. Законодательный текст к таким не относится: часть статьи кодекса представляет собой одно синтаксическое целое протяженностью в сто и более словоупотреблений.

Субъективные методы (шкалирование, семантический дифференциал, тесты на понимание, свободный опрос) дают прямой доступ к результату восприятия, но зависят от способности респондента отразить собственное состояние. Расхождение между субъективным чувством понимания и объективно проверяемым пониманием хорошо известно в психолингвистике; настоящее исследование дает ему количественную оценку на юридическом материале.

Для интерпретации субъективных шкал принципиально разграничение, предложенное В. Р. Пиуновым (2023, с. 19–20): ясность есть совокупность представлений адресанта о возможности адресата понять созданный им текст; понятность – характеристика речи, при которой адресат способен воспринять смысл близко к замыслу адресанта; доступность – фактическая возможность прочитать текст; простота – целесообразный выбор языковых единиц и синтаксических конструкций. Отсюда следует, что оценка текста как «сложного» и оценка его как «непонятного» относятся к разным категориям: первая характеризует форму (простоту), вторая – результат смыслового взаимодействия (понятность). Используемые нами две шкалы измеряют, таким образом, не одно и то же свойство, и их расхождение является содержательным результатом, а не погрешностью инструмента.

Таким образом, разграничение техно- и антропоэксперимента как двух форм реализации установки Л. В. Щербы обосновывает принцип взаимоверификации; при этом корреляция между двумя рядами данных есть не критерий качества цифрового метода, а самостоятельный предмет описания: зоны совпадения указывают на параметры, психологически реальные для носителя, а зоны расхождения – на слепые зоны обоих методов. Юридический материал, в котором коммуникативное противоречие выражено с наибольшей отчетливостью, а жанровые характеристики нарушают предпосылки классических формул удобочитаемости, представляет собой оптимальный полигон для проверки этого принципа.

Материал и процедура взаимоверификации: корпус, цифровые метрики, опрос

Корпус составили официальные тексты трех статей Уголовного кодекса Российской Федерации (2026) в действующей редакции: ст. 159 «Мошенничество», ст. 160 «Присвоение или растрата», ст. 163 «Вымогательство», извлеченные из справочно-правовых систем и приведенные полностью, включая примечания и пометы о редакциях.

Принципы отбора: тематическая однородность (все три статьи входят в главу 21 «Преступления против собственности», описывают смежные составы и оперируют пересекающимся терминологическим аппаратом, что исключает влияние предметной области как посторонней переменной); бытовая релевантность составов; структурная сопоставимость при контрастном объеме – при единой композиционной модели «основной состав – квалифицированные составы – особо квалифицированные составы» тексты различаются объемом

более чем вдвое (667, 350 и 274 словоупотребления), что создает условия для проверки того, какие параметры – синтаксические или объемно-композиционные – определяют восприятие. Общий объем корпуса – 1291 словоупотребление, 17 сверхфразовых единиц.

Антропозэксперимент проводился в форме онлайн-анкетирования: респонденту предъявлялся полный текст одной статьи УК РФ, после чего он выполнял пять заданий. Задание 1 (фильтрующее) – вопрос о наличии юридического образования и опыта работы с нормативными актами; анкеты ответивших утвердительно исключались, вследствие чего в выборку вошли только лица, соответствующие принятой в юрислингвистике фигуре «среднего» читателя (Пиунов, 2023, с. 20). Задание 2 (продуктивное) – свободный пересказ: «Если бы Вам нужно было объяснить соседу (неспециалисту), о чем этот текст, что бы Вы сказали?»; формулировка моделирует естественную ситуацию бытовой интерпретации нормы и в соответствии с положением о пересказе как функциональном аналоге перевода (Голев, Мельникова, 2025) дает материал для объективированной оценки понимания. Задание 3 – шкала сложности (1 – очень просто, 5 – очень сложно); задание 4 – шкала понятности (1 – полностью понятно, 5 – совершенно непонятно); задание 5 – открытый вопрос о наиболее трудных словах, терминах и конструкциях.

Разведение заданий 3 и 4 по разным шкалам произведено намеренно, в соответствии с разграничением простоты и понятности как несинонимичных характеристик (Пиунов, 2023 с. 19-20): первая шкала обращена к форме текста, вторая – к результату смыслового взаимодействия.

Всего обработано 225 анкет: 85 по ст. 159, 71 по ст. 160, 69 по ст. 163. Существенным ограничением является то, что социально-демографические параметры респондентов (возраст, уровень и профиль образования, род занятий) не фиксировались; анализ зависимости оценок от этих факторов в настоящей работе не проводится и выносится в перспективу исследования.

Для каждого пересказа вычислялись два показателя: объем в словоупотреблениях и индекс полноты – число воспроизведенных смысловых компонентов нормы из четырех возможных. Компонентный состав определялся для каждой статьи отдельно: 1) конститутивный признак способа деяния (для ст. 159 – обман или злоупотребление доверием, для ст. 160 – вверенность имущества, для ст. 163 – угроза); 2) признак предмета и характера деяния; 3) наличие санкции; 4) наличие дифференциации ответственности по квалифицирующим признакам.

Итак, разработанный инструментарий обеспечивает параллельное измерение сложности одних и тех же текстов в двух аспектах – в аспекте языкового материала и в аспекте речевой деятельности (две шкалы, продуктивное задание и открытый перечень затруднений), создавая условия для их взаимной верификации.

Результаты эмпирического исследования

Результаты обработки 225 анкет представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Результаты опроса респондентов (антропозэксперимент)

Показатель	Ст. 159	Ст. 160	Ст. 163	Все тексты
Число респондентов	85	71	69	225
Шкала сложности: M (SD)	4,05 (0,82)	3,97 (0,79)	3,86 (0,88)	3,96 (0,83)
Шкала сложности: медиана/мода	4/4	4/4	4/4	4/4
Оценки сложности 1/2/3/4/5, чел.	0/4/14/41/26	0/1/20/30/20	0/4/20/27/18	0/9/54/98/64
Доля оценок сложности 4-5, %	78,8	70,4	65,2	72,0
Шкала понятности: M (SD)	3,49 (0,81)	3,62 (0,98)	3,55 (0,99)	3,55 (0,92)
Оценки понятности 1/2/3/4/5, чел.	0/9/33/35/8	0/10/22/24/15	0/11/23/21/14	0/30/78/80/37
Доля оценок понятности 4-5, %	50,6	54,9	50,7	52,0

Первый результат носит характер отрицательного языкового материала в щербовском смысле. Ни один из 225 респондентов не выбрал крайнюю положительную оценку ни по одной из шкал: оценки «1 – очень просто» и «1 – полностью понятно» не встретились ни разу. Средние значения располагаются в верхней трети шкал (3,96 и 3,55), доля оценок 4-5 по шкале сложности составляет 72,0%. Тексты уголовного закона, регулирующие наиболее массовые составы преступлений против собственности, единодушно квалифицируются рядовыми носителями языка как сложные.

Третий результат касается соотношения двух шкал. Оценка сложности систематически превышает оценку непонятности: респондент фиксирует, что форма текста трудна, но общий смысл нормы им все же извлекается – «Сложно, но можно выделить: обман, доверие, группы, должности, суммы ущерба», «ничего не понял, но идея ясна». Последняя формулировка представляет собой почти терминологически точное выражение обсуждаемого разрыва. Существенно, что величина разрыва максимальна для самого объемного текста (0,55 для ст. 159) и минимальна для самого краткого (0,30 для ст. 163); с увеличением объема нормативного текста читатель все отчетливее отделяет трудность формы от доступности смысла.

Четвертый результат получен нами путем контент-анализа открытых ответов (Таблица 2). Поскольку один ответ мог содержать указания на несколько типов затруднений, сумма долей превышает 100%.

Наиболее частотной категорией оказался не терминологический, а объемный фактор: 24,4% респондентов указали на длину текста и трудоемкость чтения как таковую («Просмотрел глазами текст, лень читать», «читала раз 5, чтобы разобраться в повторях», «Сухой текст, не предназначенный для быстрого чтения»). Речь идет не о непонимании отдельных единиц, а об отказе от чтения – то есть о нарушении доступности

в том ее значении, которое определяется как фактическая возможность прочесть текст (Пиунов, 2023 с. 19). Вторая по частотности категория – специальные составные номинации (18,2%).

Таблица 2. Типы затруднений, отмеченных респондентами в открытом вопросе, % от числа респондентов

Тип затруднения	Ст. 159	Ст. 160	Ст. 163	Все
Объем текста, длина предложений, трудоемкость чтения	20,0	23,9	30,4	24,4
Специальные составные номинации («злоупотребление доверием», «преднамеренное неисполнение договорных обязательств»)	20,0	22,5	11,6	18,2
Повторы, однотипность частей, эффект «уже читал»	2,4	18,3	11,6	10,2
Смешение видов принудительного труда («обязательные», «исправительные», «принудительные работы»)	12,9	5,6	4,3	8,0
Отсутствие дефиниций, потребность во внешнем толковании	2,4	14,1	8,7	8,0
Наименования санкций («ограничение свободы», «арест»)	7,1	2,8	10,1	6,7
Отсылки к утратившим силу пунктам и редакциям закона	0,0	0,0	7,2	2,2
Затруднений не отмечено	27,1	22,5	15,9	22,2

Отдельного комментария заслуживают еще три категории. «Повторы, однотипность частей» (10,2%) фиксируют то свойство текста, которое измеряется индексом самоповтора: «Как будто текст копируют и вставляют», «Много повторов, путаются строчки из-за этого». «Смешение видов принудительного труда» (8,0%) указывает на затруднение парадигматической природы: респонденты не различают три терминологических обозначения одного семантического ряда («исправительные работы», «принудительные работы» – одно и то же?). «Отсылки к утратившим силу пунктам» (7,2% по ст. 163) фиксируют затруднение, вызванное технической особенностью публикации редакции закона: «утратил силу» – зачем это читать обычному человеку?».

Итак, антропозксперимент дал два разнонаправленных результата: шкальная самооценка обнаружила эффект насыщения и не дифференцировала тексты, тогда как продуктивное задание и открытый вопрос дифференцировали их в параметре заявленных задач эксперимента. Следовательно, вопрос о доверии должен быть поставлен не только по отношению к техно-, но и по отношению к антропозксперименту: инструмент, обращенный к носителю языка, который тоже может оказаться «нечувствительным» к интересующим исследователя нюансам семантики текста и его компонентов.

Полученная картина позволяет сформулировать три положения. Первое: формульные и лексические индексы ранжируют законодательные тексты обратно человеческому восприятию.

Второе: объемно-композиционные параметры ранжируют тексты согласованно с восприятием.

Третье, наиболее существенное для проверки второй гипотезы: субъективная самооценка понятности не связана с фактической полнотой пересказа. Субъективное чувство трудности управляет не тем, что человек понял, а тем, сколько он готов об этом сказать.

Совокупность данных позволяет описать четыре зоны расхождения. Зона первая – жанровая аномалия синтаксического параметра. В кодифицированном акте предложение не является единицей смыслового членения: часть статьи оформляется как одно синтаксическое целое независимо от числа входящих в нее составов, и, следовательно, чем детальнее проработана статья и чем больше в ней частей, тем короче – парадоксальным образом – оказывается среднее предложение.

Зона вторая – инверсия знака лексического разнообразия. В прозе низкое лексическое разнообразие облегчает чтение, сокращая объем новой информации. В нормативном тексте оно дает противоположный эффект: дословный повтор санкционной формулы при изменении одних лишь числовых показателей вынуждает читателя к посимвольному сличению фрагментов, а не к их пропуску. Респонденты описывают это состояние прямо: «Глаза бегают по тексту, как читать, текст сплошное повторение».

Зона третья – параметры, недоступные измерению в принципе. Ни один из применяемых показателей не способен зафиксировать затруднение, вызванное смешением терминов «обязательные – исправительные – принудительные работы»: с позиции алгоритма это три частотных, морфологически прозрачных, синтаксически простых прилагательных без единого формального признака трудности; затруднение возникает не на уровне единицы, а на уровне парадигмы. Аналогично не поддаются формальному учету отсылки к утратившим силу пунктам: для любой метрики фрагмент «(в ред. Федеральных законов от 08.12.2003 N 162-ФЗ...)» есть последовательность обычных словоупотреблений, тогда как для читателя это разрыв связности, требующий отдельного усилия по опознанию своей нерелевантности.

Зона четвертая – расхождение внутри антропозксперимента: шкальная самооценка и продуктивное задание дали противоположные результаты в отношении дифференциации текстов и оказались статистически не связаны между собой. Это расхождение имеет столь же принципиальный характер, что и расхождение техно- и антроподанных, и требует такого же методологического ответа.

Итак, первая гипотеза подтвердилась лишь частично: согласованность цифровых и опросных оценок зависит от группы параметров и для метрико-формульной группы оказывается отрицательной. Вторая гипотеза не подтверждена: субъективная самооценка понятности не отражает фактической степени понимания. Третья гипотеза подтверждена: цифровые параметры неоднородны по верифицируемости. Совокупность результатов обосновывает необходимость взаимоверификации как обязательной процедуры: ни цифровой, ни опросный показатель не может быть принят без подтверждения со стороны другого.

Верификация и обсуждение

Методологическая максима «техно – доверяй, но проверяй» при первом приближении понимается как утверждение приоритета человека над алгоритмом: цифровой результат подлежит проверке живым восприятием, и носитель языка выступает конечным «арбитром»; такое понимание продолжает схему (Щерба, 1931, с. 32-33). Полученные данные позволяют уточнить приведенный тезис. Так, исследование выявило три типа сбоя цифрового метода. Сбой первого типа – жанровая неприменимость параметра: показатель, валидный для одного класса текстов, механически переносится на класс, в котором нарушены предпосылки его вычисления. Сбой этого типа устраним и требует не отказа от цифрового метода, а его жанровой перекалибровки. Сбой второго типа – инверсия знака параметра: показатель вычисляется корректно, но его содержательная интерпретация меняется на противоположную при переходе к иному типу текста (лексическое разнообразие). Сбой третьего типа – слепая зона: затруднение реально существует, отмечается респондентами и имеет отчетливую лингвистическую природу, но не имеет измеримого формального коррелята (смешение членов терминологического ряда, деструктивное влияние технических помет). Он не устраним изнутри техноэксперимента: без обращения к носителю исследователь не имеет оснований даже предположить существование соответствующего параметра.

Однако симметричный анализ обнаруживает, что и антропоэксперимент подвержен столь же систематическим сбоям. Первый – эффект насыщения: шкальная самооценка перестает различать градации сложности за пределами некоторого порога, и для класса заведомо трудных текстов пятибалльная шкала фактически вырождается в двузначную, а различия, надежно фиксируемые цифровым методом, оказываются невидимы. Второй – несостоятельность самоотчета: респондент не располагает достоверным доступом к собственному пониманию и сообщает не о том, что понял, а о том, насколько трудно ему далось чтение; существенно, что этот сбой обнаруживается исключительно инструментально – путем сопоставления двух показателей, полученных от одного и того же человека. Третий – эффекты процедуры: в нашем материале отчетливо прослеживается эффект последовательности предъявления, поскольку комментарии респондентов, работавших со ст. 160 и 163, содержат систематические отсылки к ранее прочитанному тексту ст. 159 («Похоже на предыдущую статью, но вместо обмана – доверие»; «Как будто одно и то же читаю, все три статьи»), а доля указаний на повторы возрастает от 2,4% для первого предъявленного текста до 18,3% для второго. Следовательно, часть зафиксированной вариации порождена не свойствами текстов, а порядком их предъявления и накопленным утомлением; цифровой эксперимент подобным эффектам не подвержен, поскольку алгоритм не устает и не помнит предыдущего текста.

Отсюда следует необходимость переформулировать исходный тезис. Носитель языка не является «арбитром» – он является вторым измерительным прибором, обладающим собственным набором систематических погрешностей. Взаимоверификация есть не подчинение одного метода другому, а процедура взаимного контроля, в которой каждый метод обнаруживает слепые зоны другого. В настоящем исследовании эта процедура оказалась продуктивной в обоих направлениях: антропоэксперимент обнаружил инверсию формульных индексов и указал на необходимость введения объемно-композиционных параметров, а техноэксперимент обнаружил нечувствительность шкального самоотчета и позволил количественно оценить эффект последовательности.

Именно эта двусторонность и составляет, на наш взгляд, содержание развития идеи Л. В. Щербы (1974) в цифровую эпоху. Л. В. Щерба (1974) располагал одним инструментом объективации и одной верифицирующей инстанцией; современный исследователь располагает двумя инструментами, ни один из которых не обладает априорным приоритетом. При этом каждый инструмент может быть представлен в ряде вариантов. Понятие отрицательного языкового материала приобретает в этих условиях расширенное значение: отрицательным материалом становится всякое расхождение показаний двух приборов, и именно оно, а не их совпадение, является наиболее информативным результатом. Тезис «техно – доверяй, но проверяй» должен, следовательно, пониматься как обратимый: условием достоверности является не приоритет одного метода, а согласованность их показаний.

Практические рекомендации для законодателя и субъектов законотворческого процесса

1. Целесообразно нормирование объема отдельной части статьи: именно объем, а не терминологическая насыщенность, назван респондентами ведущим фактором затруднения (24,4% против 18,2%), тогда как доля терминологической лексики во всех трех текстах практически одинакова (14,0-15,7%) и с восприятием не связана; требование простоты нормативного текста (Шепелев, 2019; Пиунов, 2023) должно быть операционализировано прежде всего как требование к объему.

2. Требуется пересмотра практика оформления альтернативных санкций: табличное представление санкций устранило бы необходимость линейного считывания перечня без изменения его юридического содержания.

3. Дефиниции количественных квалификаторов целесообразно приводить непосредственно в тексте статьи: на их неопределенность указали 8,4% респондентов.

4. Для публикуемых для граждан редакций оправдано вынесение помет об утративших силу пунктах в аппарат документа: в ст. 163 они отмечены как самостоятельный источник затруднения 7,2% респондентов при нулевой информационной ценности для непрофессионального адресата.

5. Три обозначения видов принудительного труда, различающиеся лишь определением, не различаются рядовым носителем языка (8,0% прямых указаний, по ст. 159 – 12,9%), и введение кратких пояснений при первом употреблении представляется минимально необходимой мерой.

Рекомендации для разработчиков цифровых инструментов и исследователей законодательных текстов

Основная рекомендация состоит в отказе от переноса формул удобочитаемости, калиброванных на художественных текстах, в область юридических текстов: такой перенос дает не приблизительный, а систематически инвертированный результат. Инструмент оценки нормативного текста должен строиться на объемно-композиционных параметрах – объеме документа и его частей. Обязательным этапом разработки должна стать калибровка на данных антропоэксперимента, причем предпочтительно продуктивного, а не шкального типа.

Для юридической лингвистики может быть предложен протокол взаимоверификации из четырех шагов. Шаг первый: техноэксперимент производит развернутое многопараметрическое описание корпуса с заведомо избыточным набором показателей. Шаг второй: антропоэксперимент фиксирует восприятие тех же текстов обязательно в двух формах – шкальной (самоотчет) и продуктивной (пересказ, тест на понимание). Шаг третий: производится сопоставление, предметом которого становятся прежде всего расхождения; параметры, дающие инверсию, исключаются или переинтерпретируются, а затруднения, не имеющие цифрового коррелята, становятся заданием на разработку нового параметра. Шаг четвертый: скорректированный набор проверяется на новом корпусе. Существенно, что цикл замкнут: результаты антропоэксперимента определяют состав цифровых параметров, а цифровые данные позволяют выявить артефакты процедуры опроса.

В число рекомендации включаем указания на ограничения возможностей использования ИИ в лингвистических исследованиях:

- 1) объем корпуса: три текста не позволяют производить статистический вывод на уровне текста; статистически обоснованные заключения получены исключительно на индивидуальном уровне ($n = 225$);
- 2) отсутствие социально-демографических данных: процедура опроса фиксировала лишь факт отсутствия юридического образования, вследствие чего анализ зависимости оценок от возраста, уровня и профиля образования, опыта взаимодействия с правовыми документами оказался невозможен, между тем именно эти факторы, вероятно, определяют существенную часть индивидуальной вариации;
- 3) эффект последовательности предъявления, зафиксированный, но не контролировавшийся экспериментально;
- 4) операциональный характер индекса полноты пересказа: иная схема компонентного анализа могла бы дать иные абсолютные значения, хотя, как представляется, вряд ли изменила бы направление обнаруженных связей;
- 5) жанровая узость: все три текста принадлежат к одному типу нормативного акта, и перенос выводов на иные типы правовых документов требует отдельной проверки.

Важной задачей такого рода исследования является повышение уровня валидации материала, в частности, – расширение корпуса до объема, допускающего статистический вывод на уровне текста (не менее тридцати документов), при контроле социально-демографических характеристик респондентов и рандомизации порядка предъявления. Важным представляется разработка интегрального индекса доступности нормативного текста на основе объемно-композиционных параметров с весами, определяемыми по данным антропоэксперимента, и расширение состава объективируемых показателей понимания: наряду с пересказом целесообразно использовать обратный машинный перевод, применение которого для измерения смысловой доступности текста закона предложено Н. Д. Голевым и развито В. С. Мельниковой (Голев, Мельникова, 2025).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Понятие лингвистического эксперимента, введенное Л. В. Щербой (1974), допускает продуктивное развитие применительно к цифровым методам анализа текста. Целесообразно разграничить две формы его реализации: техноэксперимент, осуществляемый средствами автоматической обработки и локализованный в третьем аспекте щербовской триады, и антропоэксперимент, осуществляемый в форме опроса и локализованный в первом аспекте. Поскольку ни одна из этих форм не дает прямого доступа ко второму аспекту – языковой системе, – их отношения должны строиться на принципе взаимоверификации, а не иерархического подчинения.

Разработан цифровой инструментарий оценки сложности законодательного текста, включающий метрики лингвистической сложности и автоматизированный анализ синтаксической структуры, адаптированные к специфике нормативного текста, где предложение не является реальной единицей членения.

Создана анкета, совмещающая шкальную самооценку сложности и понятности текста с продуктивным заданием на пересказ юридической нормы. Такая конструкция анкеты обеспечивает разведение двух измеряемых свойств – простоты и понятности – и позволяет получить как субъективные, так и объективированные данные в рамках одного антропоэксперимента.

Статистическая оценка показала отсутствие значимой связи между шкальной самооценкой понятности и объективированной полнотой пересказа при наличии связи самооценки с объемом пересказа. Это означает, что субъективное чувство трудности определяет не то, что человек понял, а то, сколько он готов об этом сказать, и свидетельствует о рассогласовании объективных и субъективных рядов данных.

Выявлены и интерпретированы зоны расхождения между объективными и субъективными оценками. Установлен разрыв между шкалой сложности и шкалой понятности, возрастающий с увеличением объема текста, что эмпирически подтверждает несинонимичность понятий «простота» и «понятность», разграниченных

в юрислингвистике на теоретических основаниях. Опрос 225 носителей русского языка, не имеющих юридического образования, показал единодушную оценку всех трех текстов как сложных (72,0% оценок в диапазоне 4-5 баллов, ни одной оценки «1» по обоим шкалам) при статистически незначимых различиях между текстами, что квалифицировано как эффект насыщения субъективной оценки.

Сформулирован принцип взаимной верификации получаемых оценок: цифровые методы нуждаются в проверке «живым» восприятием, но и опросные данные требуют проверки объективированными показателями.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением эмпирической базы и углублением принципа взаимоверификации. Представляется целесообразным расширить корпус законодательных текстов за счет других отраслей права (административного, гражданского и т. д.), чтобы проверить устойчивость выявленных закономерностей и определить, в какой мере полученные результаты зависят от жанрово-отраслевой специфики материала. Предполагается усовершенствовать инструментарий техноэксперимента, в частности адаптировать существующие метрики лингвистической сложности к синтаксису законодательного текста, где предложение не является реальной единицей членения. Планируется расширить состав антропоэксперимента: увеличить и дифференцировать выборку респондентов по уровню юридической компетенции (рядовые носители, студенты-юристы, практикующие юристы), чтобы выявить зависимость оценок понятности от профессионального опыта. Дальнейшее изучение темы предполагает распространение принципа взаимоверификации на другие типы юридического дискурса (судебные решения, договоры, официальные разъяснения и т. д.).

Материалы исследования | Research materials

1. Уголовный кодекс РФ: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ в редакции от 04.08.2026 // КонсультантПлюс. 2026. Ст. 159, 160, 163. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=mu-pnl3ql5509834938

Источники | References

1. Батюшкина М. В. Юрико-лингвистическая неопределенность терминов и норм российских законов // Русистика. 2021. Т. 19. № 2. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-138-154>
2. Белов С. А., Тарасова К. В. Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 4. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.401>
3. Голев Н. Д. Экспериментальные исследования русской лексики в рамках одного лингвистического направления: опыт обобщения и методологической рефлексии постфактум. Статья 1 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-3-70-78>
4. Голев Н. Д. Экспериментальные исследования русской лексики в рамках одного лингвистического направления: опыт обобщения и методологической рефлексии постфактум. Статья 2 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3.
5. Голев Н. Д., Мельникова В. С. Переводимость и понятность как внутренние свойства языковых единиц (онтологические аспекты транслятивной лингвистики) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 4. <https://doi.org/10.30853/phil20250225>
6. Киященко Л. П. Простота сложности и сложность простоты (мерность различения) // Философия науки и техники. 2013. № 1.
7. Кнутов А. В., Чаплинский А. В., Алимпеев Д. Р. Язык нормативных правовых актов: пора ли бить тревогу? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-57-399-426>
8. Левчаева Н. В. Коммуникативные качества речи и их системные связи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2-1.
9. Микк Я. А. Оптимизация сложности учебного текста: в помощь авторам и редакторам. М.: Просвещение, 1981.
10. Оборнева И. В. Автоматизированная оценка сложности учебных текстов на основе статистических параметров: дисс. ... к. пед. н. М., 2006.
11. Ополев П. В. Логический принцип простоты в науках о сложности // Вестник Омского государственного университета. 2014. № 4.
12. Пиунов В. Р. Соотношение понятий «ясность», «понятность», «доступность» и «простота» языка и права // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 3. https://doi.org/10.34076/22196838_2023_3_14
13. Солнышкина М. И., Соловьев В. Д., Эбзеева Ю. Н. Подходы и инструменты лингвистического профилирования текста на русском языке // Русистика. 2024. Т. 22. № 4.
14. Шепелев А. Н. Ясность и простота – требование к юридическому языку // Право: история и современность. 2019. № 1.
15. Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
16. Щербак Ю. Е. Обыденная интерпретация юридических высказываний (на материале лингвистического теста) // Юрислингвистика. 2023. № 28 (39).

Финансирование | Funding

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-02191.

This work was supported by the Russian Science Foundation, project No. 25-28-02191.

Информация об авторах | Author information

Голев Николай Данилович¹, д. филол. н., проф.
Мельникова Виктория Сергеевна²

^{1, 2} Кемеровский государственный университет

Nikolai Danilovich Golev¹, Dr
Victoria Sergeevna Melnikova²

^{1, 2} Kemerovo State University

¹ ngolevd@mail.ru, ² melnikovavika2017@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.08.2026; опубликовано online (published online): 05.10.2026.

Ключевые слова (keywords): лингвистический эксперимент; техноэксперимент; антропологический эксперимент; доступность правовой нормы; юрислингвистика; текст закона; linguistic experiment; technological experimentation; anthropological experimentation; accessibility of the legal norm; legal linguistics; text of the law.